

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

А. Б. Летучий. Типология лабильных глаголов. М.: Языки славянской культуры, 2013. 384 с. (Studia philologica). [A. B. Letuchiy. Tipologiya labil'nykh glagolov [Typology of labile verbs]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2013. 384 p. (Studia philologica)]. ISBN 978-5-9551-0697-7.

Дарья Федоровна Мищенко

Dar'ja F. Miščenko

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, 199053, Российская Федерация;
zenitchiki@yandex.ru

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy
of Sciences, St. Petersburg, 199053, Russian Federation;
zenitchiki@yandex.ru

Монография Александра Борисовича Летучего представляет собой детальный и многомерный «портрет» лабильности. Трудно найти такой ракурс, в котором это явление не рассматривалось бы в книге: начиная от определения границ лабильности и ее взаимоотношений с близкими явлениями до диахронических аспектов формирования систем лабильных глаголов в разных языках. Несмотря на осторожную оговорку автора в предисловии о том, что «полностью охватить все проблемы, связанные с лабильными глаголами, в рамках одной монографии невозможно» (с. 11), рецензируемая книга максимально близка к тому, чтобы если не ответить на вопросы, с которыми сталкивается исследователь при изучении лабильных глаголов в конкретном языке или с позиций типологии, то по меньшей мере обрисовать круг этих вопросов.

В основе монографии лежит диссертация «Типология лабильных глаголов: семантические и морфосинтаксические аспекты», защищенная А. Б. Летучим в Институте лингвистики РГГУ в 2006 г. При подготовке монографии некоторые ее содержательные части претерпели важные изменения: так, например, пополнился новыми данными раздел, посвященный диахронической перспективе изучения лабильности. Значительно увеличилась выборка языков: диссертационное исследование основывается на анализе данных 79 языков, в то время как список одних только упоминаемых на страницах книги языков, приведенный в указателе языков в конце книги (с. 373—376), содержит 95 отдельных идиомов, выборка же в целом, по-видимому, еще обширнее¹. Наконец, изменилась и структура работы, и монография в ее нынешней форме еще более удобна в качестве «справочника по лабильности» и руководства для исследователей конкретных языков. В то же время необходимость сократить текст привела к тому, что отдельные звенья логической цепочки иногда оказываются пропущенными. Так, в частности, произошло с определением лабильности: если в диссертации различные подходы к установлению границ этого явления обсуждаются уже во введении, то читатель монографии узнает об их существовании лишь во второй главе.

Монография открывается вводной главой с кратким обзором работ, так или иначе касающихся проблемы лабильности глаголов. По-видимому, релевантными для изучения лабильности их действительно можно считать лишь до определенной степени: монографий или сборников, посвященных лабильности, вплоть до последнего времени не существовало, а в описаниях конкретных языков лабильные глаголы чаще всего упоминаются лишь мимоходом. Как предполагает Летучий, причина такого положения дел заключается в том, что

¹ В то же время автор подчеркивает, что не все выводы его работы сделаны на материале широкой выборки: отдельные разделы монографии написаны с опорой на данные лишь нескольких языков или языковых групп, для которых то или иное явление хорошо изучено.

лабильность, не будучи обязательной для всех или даже большинства глаголов, представляется исследователям периферийным грамматическим явлением. Однако, по его мнению, на лабильность можно смотреть и иначе — как на тонкую нить, пронизывающую «ядро» языковой системы и связывающую сразу несколько актуальных областей современной лингвистики: грамматическую семантику, лексическую семантику, историческую лингвистику и теорию грамматикализации. К тому же при ближайшем рассмотрении лабильность оказывается типологически весьма распространенным явлением: лабильные глаголы обнаруживаются почти во всех языках мира.

В первой главе автор определяет предмет своего дальнейшего внимания. К определению лабильности он предлагает прийти через определение понятия переходности, однако в этом месте читателя ожидает разочарование: ему предлагается «считать, что понятия переходного и непереходного глагола известны заранее» (с. 21), а сам подраздел «Определение понятия “переходность”» сводится к изложению истории изучения переходности. Впрочем, на понимании логики дальнейшего изложения это сказывается мало. Гораздо более важным представляется сам факт априорного ограничения лабильности ситуацией, при которой один и тот же глагол без изменения формы может иметь непереходную и переходную модель управления. Действительно, такое понимание термина «лабильность» является наиболее распространенным сегодня, но все же не единственным (в частности, М. С. Полинская, на работу которой автор неоднократно ссылается, использует этот термин в более широком значении: она называет лабильностью способность глагола «выступать в нескольких конструкциях предложения без специальной маркировки мены диатезы в данном глаголе» [Полинская 1986: 44], т. е. включает в это понятие и такие соотношения глагольных употреблений, которые не предполагают мены переходности). О том, что в число лабильных глаголов при некоторых подходах включаются все глаголы, способные иметь более одной диатезы при условии немаркированности изменения диатезы (краткий обзор существующих «степеней широты» термина «лабильность» можно найти в более ранней статье автора [Летучий 2005: 57—58]), неподготовленный читатель узнает значительно позже, на с. 76, при обсуждении явлений, которые Летучий рассматривает как близкие к лабильности, но выносит за ее пределы. Кажется, что вскользь сделанное автором замечание о «естественности» взаимосвязи лабильности и (не)переходности (с. 19) в ситуации, когда существуют и более широкие понимания лабильности, скорее способно ввести в заблуждение.

Помимо ограничения лабильности варьированием переходности, в работе вводится еще одно важное ограничение: для того, чтобы пара употреблений глагола могла рассматриваться как проявление лабильности, непереходное употребление не должно быть результатом «коммуникативного опущения» актанта. Однако, поскольку развести собственно непереходные употребления глагола и коммуникативное опущение объекта часто не представляется возможным, а также потому, что в грамматиках аккузативных языков сведения о возможности подобного опущения приводятся непоследовательно, автор оставляет этот тип отношений между глагольными употреблениями за пределами анализа. Окончательное определение лабильных глаголов складывается из пяти критериев:

- 1) наличие как минимум двух моделей управления (переходной и непереходной);
- 2) различие в трактовке семантической роли субъекта и семантики ситуации в целом, связанное с различиями в этих моделях управления;
- 3) распространение критериев (1) и (2) на все формы глагола;
- 4) отсутствие связи всех противопоставленных диатез как «полной» диатезы и диатезы с опущением референтного актанта (ясного из контекста) либо обобщенным актантом;
- 5) невозможность рассматривать два употребления глагола как омонимичные.

Глаголы, соответствующие всем этим критериям, Летучий предлагает считать «канонически лабильными». Таким образом, проблемное поле рассматривается как множество случаев, в большей или меньшей степени соответствующих представлению о прототипической ситуации.

В этой же главе впервые упоминается один из способов классифицировать типы лабильности — распространенное деление на А- и Р-лабильные глаголы: у первых субъект непереходного употребления семантически соответствует субъекту переходного и оба они обозначают агентивного участника, у вторых — объекту переходного и оба они обозначают пациен- тивного участника. Отмечая неудачность такого деления, подразумевающего обязательный параллелизм двух отношений — соотношения диатез и соотношения семантических ролей — и приводя примеры лабильных глаголов, которые следует отнести к разным типам в зависи- мости от ведущего основания классификации, автор тем не менее не отказывается от тер- минов «А-лабильность» и «Р-лабильность», лишь оговаривая, что в дальнейшем будет де- лить глаголы на А- и Р-лабильные на основании соотношения диатез в двух употреблениях.

Явления, демонстрирующие сходные с лабильностью свойства, но по тем или иным параметрам отклоняющиеся от прототипа канонической лабильности, рассматриваются во второй главе «Лабильность и близкие явления». В первую очередь автор обращается к анализу различий между А- и Р-лабильностью — чтобы далее к А-лабильности не воз- вращаться. Признаков, по которым различаются два вида лабильности, он насчитывает пять: 1) «семантика» А- и Р-лабильности (т. е. та разность значения, которая фиксируется в паре «переходное — непереходное употребления глагола»); 2) продуктивность; 3) зависимость от формальных свойств глагола, таких как его словоизменительный класс и тип произво- дности; 4) состав класса лабильных глаголов и 5) соотношения с показателями актантной деривации. Основным, по-видимому, можно считать семантическое противопоставление: в то время как переходное и непереходное употребления А-лабильного глагола различаются коммуникативными рангами участников, два употребления Р-лабильного глагола обозна- чают семантически близкие, но все же разные ситуации, отличающиеся наличием/ отсут- ствием агентивного участника. На этом основании рефлексивную и взаимную лабильности предлагается рассматривать вместе с Р-лабильностью, ведь ситуации, которые обозначают рефлексивно- и взаимнолабильные глаголы при непереходном употреблении не тожде- ственны ситуациям, обозначаемым этими же глаголами при переходном употреблении (к со- жалению, автор не приводит иллюстраций этого тезиса для взаимнолабильных глаголов, зато перечисляет глаголы, которые, как выяснится дальше, относятся к еще одному типу — конверсивному). Различия по четырем другим признакам либо оказываются производными от различия по первому признаку, либо проявляются не во всех языках. Как показано в та- блице 1 на с. 35 (к сожалению, это не единственная в книге таблица с таким порядковым номером), рефлексивно- и взаимнолабильные глаголы (объединенные в строке, не слишком удачно озаглавленной «Рефлекс.») по разным признакам сближаются то с Р-лабильными, то с А-лабильными глаголами, однако в целом оказываются более похожи на Р-лабильные глаголы. Наконец, исследователь вводит еще два типа лабильности, по своим свойствам занимающие промежуточное положение между А- и Р-лабильностью, — **аппликативную лабильность**, по формальным свойствам относящуюся к А-лабильности, но при которой два употребления глагола семантически различаются сильнее, чем у А-лабильных глаго- лов, и **пассивную лабильность**, формально являющуюся разновидностью Р-лабильности, но при которой два употребления глагола передают одну и ту же ситуацию с разным ком- муникативным статусом участника. Существование таких типов лабильности, по мысли автора, еще раз доказывает неудачность или, по крайней мере, периферийный характер деления на А- и Р-лабильные глаголы. Вместо этого предлагается противопоставлять соб- ственно лабильность, затрагивающую набор участников ситуации, и опущение, оставля- ющее семантику ситуации неизменной, но воздействующую на коммуникативный статус ее участников. Последнее, как в очередной раз подчеркивает Летучий, выходит за пределы круга явлений, которые будут интересовать его в дальнейшем.

Соотношение лабильности и показателей залога и актантной деривации рассматривается в разделе 2.2. Поскольку основанием семантической классификации, которая будет пред- ставлена ниже, для автора являются отношения, подобные тем, что наблюдаются у пары глаголов при залоговых преобразованиях и актантной деривации, он задается вопросом,

можно ли считать лабильность своеобразным «нулевым показателем» актантной деривации. Сравнение лабильных глаголов с глаголами, присоединяющими показатели актантной деривации, по ряду свойств (непродуктивность, существование «троек» употреблений, сочетаемость с ненулевыми показателями актантной деривации, распределение лабильности по семантическим группам глаголов, возможность существования у лабильных глаголов нестандартных типов каузативного значения и нестандартных синтаксических соотношений между употреблением, сочетаемость с производными глаголами, наличие семантических различий между двумя употреблением глагола и невозстановимость опущенных актантов из контекста) приводит его к выводу о том, что, несмотря на сходство по некоторым из них, в целом «лабильность нельзя считать способом маркирования актантных преобразований деривации» (с. 54). Впрочем, речь в этом случае идет именно о канонической, R-лабильности, тогда как рефлексивная и взаимная лабильность по некоторым свойствам оказываются чуть ближе к актантной деривации; кроме того, в отдельных языках лабильность в целом имеет больше сходств с показателями актантной деривации, чем обычно.

Собственно к рассмотрению явлений, демонстрирующих сходные с лабильностью свойства, но по ряду параметров отклоняющихся от прототипа канонической лабильности, Летучий переходит только в заключительном разделе второй главы. Все многообразие их можно свести к двум типам ситуаций: первая предполагает, что лабильность затрагивает не все глагольные формы, а вторая — что при варьировании актантной структуры глагол во всех своих употреблениях является переходным или, наоборот, непереходным. Не перечисляя все проявления двух этих феноменов в языках мира, отмечу лишь ту особенность подхода, проводимого в монографии в целом, которая, как кажется, в этом разделе проявляется особенно ярко — стремление исследователя представить лабильность не как отдельно стоящий феномен, а в тесной связи его с другими языковыми явлениями. Во-первых, это проявляется в готовности учитывать различные интерпретации: некоторые явления, на первый взгляд, вообще не должны были бы попасть в книгу, посвященную лабильности. Однако, как показывает автор, возможны такие трактовки, при которых их связь с лабильностью окажется самой непосредственной. Так, например, в языках мира встречается ситуация, при которой одна часть глагольной парадигмы всегда переходна, а другая всегда непереходна, как, например, в адыгейском, где результатив всегда непереходен. Проявлением лабильности такие случаи могут считаться только при условии, что мы не считаем (не)переходность формы частью семантики употребленного в ней показателя. Очевидно, что чем регулярнее разделение диатез по формам глагола, тем больше оснований для того, чтобы усматривать у показателя значение, связанное с переходностью, и в этом смысле данное явление в разных языках может находиться ближе к лабильности или дальше от нее. Во-вторых, это проявляется в попытках выявить закономерности взаимодействия лабильности в самых разных ее проявлениях с некоторыми грамматическими особенностями языка. Обобщая результаты типологических наблюдений, Летучий не просто получает набор универсалий и фреквен-тальей, но и выстраивает типологию языковых систем в их отношении к лабильности.

Безусловно, самым важным аспектом анализа лабильности является разработанная автором классификация типов лабильных глаголов и в особенности их деление по типу соотношения между употреблением глагола. Вместе с классификацией в зависимости от семантики глагола она представлена в главе 3 «Классификация лабильных глаголов».

В основе ее лежит классификация залогов и актантных дериваций в том виде, в котором она представлена в работе [Плунгян 2011]. В парах употреблений лабильного глагола усматриваются те же отношения, которые соединяют глаголы или глагольные формы при актантной деривации и при залоговых преобразованиях, с той лишь разницей, что в этом случае не приходится говорить о направленном изменении. Сама идея проведения аналогии с классификацией залогов и актантных дериваций, как отмечает автор, не нова, однако Летучий расширил классификацию, предложенную ранее в [Лютикова 2002], дополнив ее новыми типами, и именно в этом виде она успела получить широкое распространение за те 10 лет, которые прошли с момента защиты диссертации автора, где она впервые была представлена.

В соответствии с этой классификацией, выделяются пять типов лабильности: декаузативный, рефлексивный, взаимный, пассивный и конверсивный (некоторое недоумение вызывает приведенный в списке на с. 96—97 квазипассивный тип лабильности, нигде далее не упоминающийся и отсутствующий также в диссертации [Летучий 2006] — по-видимому, речь все же должна идти об ошибке или недосмотре автора). Каждый из этих типов подробно рассматривается далее. Однако важно иметь в виду замечание о том, что «отнести глагол или группу глаголов к тому или иному типу» не всегда оказывается возможным (с. 97). В действительности в языках встречаются ситуации, когда одно из употреблений лабильного глагола имеет несколько интерпретаций, разделить которые не всегда удается даже при помощи контекста.

Одна из важнейших задач, которые автор ставит перед собой при анализе декаузативной лабильности, состоит в том, чтобы выяснить, «с какой из дериваций в первую очередь конкурирует лабильность: занимает [ли] она сферу каузатива или декаузатива» (с. 103). Закономерности распределения каузатива и декаузатива по типам глаголов обсуждались в лингвистической литературе неоднократно. Так, В. П. Недялков [1969] предложил описывать такое распределение при помощи «шкалы самопроизвольности», на которой ситуации располагаются в зависимости от вероятности спонтанного возникновения; эта шкала была расширена в [Haspelmath 1993; Лютикова 2002] и других работах. М. Хаспельмат объяснял ограничения на образование декаузатива наличием в семантике ситуации «агентивно-ориентированных компонентов» и, следовательно, невозможностью устранения из ситуации агентивного участника [Haspelmath 1993]. В. П. Недялков и М. Сибатани описывали такие ограничения при помощи понятия «прототипичности» ситуации [Недялков 1969; Shibatani 2002]: многие ситуации с большим количеством участников редко имеют место в реальности, т. е. непрототипичны, тогда как глаголы с небольшим количеством валентностей (одно- и двухвалентные) часто обозначают прототипические ситуации; естественно, что языки стремятся выразить прототипические ситуации при помощи производных глаголов, а значит, сфера употребления декаузатива оказывается ограниченной.

Автор рассуждает о возможности применения этих объяснений к лабильности — в ряде случаев весьма проблематичной. В частности, гипотеза М. Хаспельмата о препятствии для образования декаузативов в виде агентивно-ориентированных компонентов, присутствующих в семантике ситуации, не позволяет объяснить невозможность недекаузативных типов лабильности. Но и в отношении декаузативов объяснение М. Хаспельмата срабатывает не всегда: в различных языках с легкостью обнаруживаются глаголы, обозначающие ситуации, для которых постулируется агентивно-ориентированный компонент значения, но которые при этом являются лабильными, и наоборот, глаголы, обозначающие ситуации без такого компонента, но при этом не являющиеся лабильными. Точно так же не вполне применимой для объяснения механизмов лабильности, как следует из материалов Летучего, оказывается и шкала самопроизвольности. Точнее, обнаруживаются языки, в которых лабильными действительно являются глаголы, обозначающие ситуации, группирующиеся на одном конце шкалы — либо на правом (ситуации, обычно возникающие под влиянием агенса или внешней силы, а потому самопроизвольное развитие которых маловероятно), как, например, в адыгейском и каннада, — либо, наоборот, на левом ее конце, где располагаются ситуации, чье спонтанное развитие типично (с некоторыми оговорками к числу таких языков можно отнести французский). Лабильность в этих языках, по-видимому, действительно зависит от самопроизвольности ситуации. Однако в большей части языков распределение лабильности не объясняется степенью самопроизвольности ситуации. Анализ большого массива данных приводит автора к выводу о том, что шкала самопроизвольности не может описать тенденции, связанные с использованием лабильности, исчерпывающим образом. В качестве других не менее важных факторов Летучий называет в первую очередь степень «затронутости» пациента, а также свойства агенса (инициатор или исполнитель, степень агентивности, одушевленность, затронутость) и, в более редких случаях, тип каузации. Не менее интересно его наблюдение о том, что два полюса шкалы самопроизвольности

на самом деле различаются не только степенью вероятности спонтанного возникновения ситуации, но и акциональными (или, как сказано в работе, «аспектуальными») свойствами глагольных лексем: глаголы на левом конце шкалы обозначают предельные процессы, а глаголы в правой части шкалы обозначают события (в терминологии [Vendler 1957]). Анализ материала при помощи «аспектуального» подхода позволяет автору объяснить случаи, для которых неприменимо объяснение с помощью агентивно-ориентированного компонента, в частности, положение, при котором глаголы, обозначающие семантически близкие ситуации, в отношении лабильности ведут себя по-разному.

Важнейший вывод Летучего состоит в том, что лабильность, в отличие от актантной деривации, это «не грамматический механизм в полном смысле слова» (с. 134), а значит, от нее не стоит ждать присущей грамматическим явлениям регулярности, поскольку она затрагивает более тонкие лексические свойства глагола.

Огромный интерес представляет раздел, посвященный пассивной лабильности, во-первых, в силу стремления следовать определению, согласно которому пассив является маркированным в глаголе изменением диатезы, и, во-вторых, в силу отсутствия этого типа (по крайней мере, его собственно пассивного подтипа) в тех языках, применительно к которым чаще всего описывалась лабильность, т. е. в языках Европы и Дагестана. Тем не менее, по данным автора, есть как минимум две группы языков, где собственно пассивная лабильность распространена: это языки Африки и австронезийские языки (более того, по распространенности в языках мира пассивная лабильность оказывается наиболее частотным после декаузативного типом, с. 169). Собственно пассивы (описывающие ситуации, в которых присутствует агенс с пониженным статусом) являются лишь одним из подтипов пассивного типа лабильности. Помимо него, Летучий предлагает включать в пассивный тип лабильности еще два подтипа: стативы (описывающие состояние, наступившее в результате некоторого действия, при этом агентивный участник, «даже если он и есть, выведен из ситуации и обычно не выражается», с. 142) и безагенсные, или потенциальные, пассивы (описывающие «возможность возникновения ситуации» и предполагающие хотя бы обобщенного агенса или экспериенцера, с. 142). Стативная и потенциальная пассивная лабильность встречаются и за пределами африканских и австронезийских языков, в том числе в европейских языках, в арабском, адыгейском и др. В то же время автор отмечает, что в эргативных и нейтральных языках нет надежных синтаксических тестов, которые бы позволили отграничить пассивную лабильность от опущения агенса.

Существование пассивного типа лабильности делает непригодным для анализа лабильности объяснение М. Хаспельмата, опирающееся прежде всего на наличие или отсутствие агентивно-ориентированных компонентов семантики глагола: если отсутствие декаузативной интерпретации у непереходного употребления глаголов еще можно объяснить наличием у них агентивно-ориентированного компонента значения, то невозможность пассивной интерпретации таким образом объяснить уже нельзя.

В качестве гипотезы, объясняющей типологическую редкость лабильности пассивного типа, Летучий предлагает воспользоваться фреквенталией, сформулированной Дж. Гримшоу [Grimshaw 1990], в соответствии с которой непрототипическое соотношение синтаксических и семантических ролей должно быть маркировано. Из этого для автора очевидным образом вытекает важное следствие о природе лабильности: если ее можно объяснить действием правила Гримшоу, то она является не деривацией, маркированной нулем, а «полисемией, объединяющей значения в рамках одного глагола» (с. 145).

Конверсивный тип лабильности, рассматриваемый в следующем разделе, также не попадал ранее в сферу внимания типологов. Конверсивная лабильность, при которой «оба употребления глагола имеют по два синтаксических актанта» (с. 145), затрагивает небольшую группу лексем, большей частью глаголов восприятия или эмоций, у которых ни один из актантов не является прототипическим агенсом или пациенсом. По мнению Летучего, это дает языку возможность не закреплять в качестве единственно допустимой модели позицию субъекта ни за одним из актантов. В этом заключается важное отличие конверсивной

лабильности от декаузативной: если при декаузативной лабильности два употребления глагола все же обозначают разные ситуации, при конверсивной лабильности глагол в двух своих употреблениях тождествен. На этом основании конверсивная лабильность не является канонической, так как она не соответствует приведенному выше (с. 28) второму критерию канонической лабильности, требующему, чтобы две модели управления имплицировали различие семантики ситуации в целом.

Если конверсивная лабильность характеризует небольшую семантически гомогенную группу глаголов языка, то возникает вопрос, почему не все глаголы восприятия и эмоций в языках мира бывают лабильными: например, в отличие от часто проявляющего свойства лабильности глагола 'пахнуть/нюхать', глаголы 'слышать, слушать/быть слышным, быть слушаемым' или 'искать/быть заметным' почти никогда не бывают лабильными. По мнению автора, такие различия можно объяснить «способами выражения состояний 'быть видимым' и 'пахнуть'». Первое из них, как правило, выражается глаголами, производными от 'видеть'. Напротив, второе концептуализируется как в какой-то мере автономное от Экспериенцера и выражается либо глаголами, не связанными с 'нюхать', либо лабильными глаголами» (с. 151). Представляется, что в данном случае объяснение оказывается отчасти круговым: постулируется, что состояние 'быть видимым' не выражается лабильным глаголом, потому что оно выражается глаголом, производным от глагола 'видеть'. Впрочем, тот факт, что эта проблема пока остается нерешенной, специально оговаривается.

Наиболее редким в языках мира, как узнает читатель, является взаимный тип лабильности. Это тем более интересно, что рефлексивная лабильность, рассматриваемая ниже, встречается существенно чаще, между тем как близость взаимного и рефлексивного значений в целом считается давно доказанной. Такую несимметричность автор объясняет двумя причинами: «большей сложностью взаимного значения по сравнению с возвратным» (при взаимности два участника не полностью совпадают: на самом деле ситуация распадается на два подсобытия с одинаковым набором ролей, участники которых выполняют разные роли в разных подсобытиях) и «происхождением возвратных конструкций» (с. 154). В целом и рефлексивно- и взаимно-лабильные глаголы в языках мира ограничены определенными семантическими классами лексем: в случае взаимной лабильности это ситуации, «для которых прототипическим является именно взаимное протекание» (с. 157), в случае рефлексивной лабильности это в основном глаголы «ухода за телом». Но и эти глаголы не обязательно оказываются лабильными. По мнению Летучего, это объясняется конкуренцией рефлексивной лабильности с рефлексивными показателями, с одной стороны, и опущением объекта с другой.

На мой взгляд, наиболее интересной и важной при анализе каждого из типов лабильности является попытка обнаружить семантические закономерности, определяющие ограничения на лабильность того или иного типа, и объяснить, почему одни типы лабильности представлены в языках мира шире, чем другие. К вопросу о причинах продуктивности и разнообразия декаузативного типа (о них косвенно свидетельствует и соотношение объемов текста, посвященного декаузативному типу и всем остальным типам лабильности вместе взятым: 36 страниц против 30) автор возвращается и в разделе 3.1.6 «Выводы» и находит несколько таких причин: во-первых, практически повсеместная распространенность взаимных и возвратных показателей, в то время как декаузативный или каузативный показатель есть не во всех языках, а во-вторых, сравнительная семантическая простота декаузативных отношений.

Вторая половина третьей главы посвящена другому способу классификации — на этот раз классификации не типов самой лабильности, а тех глаголов, которые часто оказываются лабильными в разных языках. В ней рассматривается несколько таких семантических классов: фазовые глаголы, глаголы движения и глаголы звукоизвлечения. Глаголы этих трех классов бывают лабильными даже в тех языках, для которых лабильность в общем не характерна. Внутри этих классов в отношении лабильности глаголы также могут вести себя по-разному. Так, например, начинательные глаголы гораздо чаще оказываются

лабильными, чем cessативные глаголы (с семантикой завершения). Автор объясняет это более низкой семантической переходностью ситуаций типа 'начать' по сравнению с ситуациями типа 'закончить'; естественно, что, если в языке в целом лабильность нехарактерна для выражения ситуаций с высокой степенью транзитивности, лабилен будет скорее глагол 'начать' (противоположный вывод, который приводится в тексте монографии на с. 177, по-видимому, результат опечатки — по крайней мере, статистические данные, приведенные выше, противоречат ему). Не останавливаясь, за неимением места, на этом содержащем меткие наблюдения и ценные выводы разделе, отмечу, что в целом анализ глаголов названных классов лишний раз подтверждает идею, высказывавшуюся в предыдущих частях монографии: в отличие от актантной деривации, лабильность — не грамматическое, а лексико-грамматическое явление, поскольку она часто имеет гораздо большие ограничения на лексический класс глагола.

Не менее важными для лабильности оказываются формальные свойства глаголов. В частности, как указывает автор, бывает, что определенный тип производных глаголов тяготеет к лабильности больше, чем глаголы, от которых они образованы. В книге рассмотрены несколько особых типов производности (каузативы, отыменные глаголы, образование по заимствованной модели) и обсуждаются возможные причины большей расположенности таких глаголов к лабильности. Исследователь приходит к выводу, что лабильности способствуют не формальные, а семантические причины: у таких глаголов различные компоненты значения, в частности агентивность, часто уходят на второй план, по сравнению со значением деривации, а сами глаголы обозначают ситуации, менее важные для носителей, что позволяет языку экономить усилия, объединяя две ситуации в один глагол.

Глава 4 «Критерии лабильности» вновь возвращает читателя к проблеме определения границ лабильности, на этот раз в конкретной ситуации эргативных языков, где лабильность и коммуникативное опущение неразличимы. Анализируя критерии, предлагавшиеся, в первую очередь, в [Haspelmath 1991], и находя их недостаточными для разграничения лабильности и переходных глаголов, Летучий задается вопросом о возможности тестов на лабильность в эргативных языках. Оказывается, что доказать нелабильность определенного глагола действительно иногда не удастся. Единственное, на что можно опираться в такой ситуации, — это системный критерий (наличие или отсутствие нелабильных глаголов в языке в принципе) и типологический критерий (выражение данного значения в аккумулятивных языках, где отграничить опущение агентивного субъекта от лабильности можно благодаря надежному маркированию). Именно последний критерий Летучий считает решающим аргументом в пользу лабильности. Наконец, он рассматривает обсуждавшееся в англоязычных работах предложение считать саму лабильность критерием неаккузативности. Согласно его мнению, по ряду причин такое решение неудачно, прежде всего, потому, что в разных языках лабильны самые разные группы глаголов, а значит, лабильность не может объясняться неаккузативностью — или, по крайней мере, только ею.

Пятая глава «Типология систем лабильных глаголов» важна для понимания авторского подхода к лабильности как к явлению, тесно связанному со множеством других характеристик грамматической системы языка. Ее первый раздел посвящен анализу связей соотношения лабильных глаголов с показателями актантной деривации. Как показывает Летучий, деривационные показатели и лабильность не обязательно дополнительно распределены, хотя многие языки действительно запрещают присоединение показателя актантной деривации к лабильному глаголу. Объяснения причин этого запрета, по-видимому, должны быть индивидуальны для каждого отдельно взятого языка: можно объяснять его производностью одного из употреблений лабильного глагола (в этом случае оно считается уже содержащим нулевой показатель актантной деривации), несовместимостью с показателем актантной деривации определенных семантических компонентов в составе лабильного глагола, относительной продуктивностью показателя, различной семантикой лабильности и показателя актантной деривации, «аспектуальными» (акциональными) свойствами лабильных глаголов, общими ограничениями на переходность исходного глагола или, когда другие объяснения

не работают, просто действием принципа экономии. Способность лабильных глаголов присоединять показатель актантной деривации, казалось бы, противоречит принципу экономии. В этом случае необходимо проанализировать семантические различия между дериватами и лабильными глаголами. Среди встречающихся в языках мира случаев — различия по типу каузации, по семантике ситуации в целом, в частности по аспектуальным свойствам или по свойствам актантов. Основной вывод автора заключается в том, что лабильность не является способом выражения значений актантной деривации, но и не полностью независима от нее.

Далее он перечисляет основные параметры, релевантные при описании лабильности в том или ином языке. К их числу относится количественное соотношение лабильных и нелабильных глаголов, преобладающий тип лабильности (здесь же вводится противопоставление ядерных и периферийных систем: ядерными Летучий называет такие системы, где лабильными являются глаголы с прототипическим пациенсом, а периферийными — системы с лабильными глаголами, обладающими непрототипическим пациенсом), гомогенность или гетерогенность системы с точки зрения количества семантических классов лабильных глаголов, продуктивность лабильности, способность лабильных глаголов сочетаться с показателями актантной деривации, морфологические свойства лабильных глаголов. Более подробно многие свойства уже обсуждались выше, однако в этом разделе приводятся интересные статистические данные по распределению различных свойств в языках мира и их корреляции. В частности, на с. 249—250 приводится классификация языков с разными значениями по трем первым признакам (гомогенности, количеству лабильных глаголов и близости к переходному прототипу). Как отмечается во введении к этому разделу, перечисленные параметры могут послужить опорой для составления анкеты по лабильности, которую можно было бы использовать в исследованиях ранее не описанных языков.

Важный результат наблюдений о лабильности в разных языках как о системе состоит в том, что имеет смысл выделять два разных типа лабильности: грамматическую лабильность, предполагающую существование «единого класса прототипически переходных лабильных глаголов, не сочетающихся с показателями деривации» (с. 252), и лексическую лабильность, предполагающую разрозненный набор лабильных глаголов из разных групп. Тип лабильности в языке, по мысли автора, зависит от других особенностей языковой системы. Оговаривая тот факт, что лабильность в действительности может быть связана с множеством явлений в языке, он останавливается на трех: строй языка, система актантной деривации и склонность языка допускать *pro-drop*. На основе анализа большой типологической выборки автор выявляет ряд тенденций взаимосвязи лабильности с определенными свойствами языка. Количество обнаруженных закономерностей настолько велико, что нет возможности даже перечислить их здесь. В заключение раздела Летучий приводит сведения о географическом распространении лабильности — как в целом, так и отдельных характеристик лабильных систем.

Глава 6 одна из самых смелых в монографии. В ней рассматриваются возможные сценарии возникновения и исчезновения лабильности в языке. Судя по имеющимся сведениям, количество лабильных глаголов в языке может как возрастать, так и уменьшаться; изменения могут затрагивать и саму группу лабильных глаголов, например, может меняться ее семантическое ядро. Отвечая на вопрос: «Откуда берутся лабильные глаголы?» (раздел 6.1), — автор выделяет несколько известных из лингвистической литературы путей: системное слияние переходных и непереходных основ; появление деривации, нейтрализующей противопоставление глагольных классов; вытеснение одной из основ; опущение показателя понижения переходности; переосмысление модели с понижением синтаксического статуса прямого объекта или опущением субъекта. Таким образом, и здесь мы видим, что лабильность возникает в результате особых синтаксических процессов, не обязательно связанных с актантными деривациями.

Анализ исторических данных позволяет ответить еще на один вопрос: существуют ли какие-то семантические закономерности в направлении развития лабильности,

т. е. в том, какое из употреблений для того или иного лабильного глагола является исходным. По-видимому, существует группа глаголов, для которых сам вопрос о направлении «лабилизации» нерелевантен: «даже если одно из них возникло раньше, второе могло развиваться не от него, а независимо» (с. 300). Кроме того, получается, что направление маркированной актантной деривации не всегда коррелирует с направлением развития лабильности.

Глава 7 содержит полный анализ системы лабильных глаголов в арабском языке. Для неспециалиста она интересна, прежде всего, как иллюстрация практического применения тех теоретических положений, которые были разработаны автором для анализа лабильности и были изложены в монографии.

Завершают книгу, помимо заключения, содержащего основные выводы и повторяющего наиболее интересные наблюдения, два приложения. В первом приводятся классификации лабильных глаголов на разных основаниях: по соотношению между употреблениями, по семантическому классу и по синтаксическим свойствам. Во втором приложении «Несколько портретов» содержатся краткие описания систем лабильных глаголов в нескольких разнотипных языках различной генетической принадлежности: в ава, пит, агульском, адыгейском, апинаяе, арабском, болгарском, варекена, варикио, кора, лавукалеве, лезгинском, немецком, русском, французском и хакасском. Автор не поясняет причин выбора именно этих «портретируемых», и остается только предположить, что такой набор языков позволяет продемонстрировать возможности устройства систем лабильных глаголов во всем их многообразии. В совокупности два приложения могут служить краткой моделью для описания лабильности в новых языках.

Наибольшие затруднения при чтении вызывает, пожалуй, структура монографии; отдельные логические переходы, вероятно, стали жертвой переработки диссертации в книгу. В то же время очевидно, что в работе, настолько всесторонне описывающей лабильность, вряд ли можно избежать повторов. Немногочисленные опечатки и ошибки, частично упомянутые в тексте рецензии, ошибки в списке литературы (отсутствуют некоторые работы, цитируемые в тексте, например, «[Лютикова 2001]» (с. 256) или «[Creissels, in press]»² (с. 205), а также некоторые другие), части текста, по-видимому, выпавшие при редактировании (как на с. 34) или, наоборот, продублированные (как на с. 51), и неловкое построение отдельных фраз (вроде «Существенно, что для этих направлений существенны...» на с. 24) вполне могут быть исправлены в следующих изданиях, которые, как кажется, суждено пережить этой работе: слишком велико ее значение как энциклопедии актуального знания о лабильности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Летучий 2005 — Летучий А. Б. Непрототипическая переходность и лабильность: фазовые лабильные глаголы // Вопросы языкознания. 2005. № 4. С. 57—75. [Letuchiy A. B. Non-prototypic transitivity and lability: Phasal labile verbs. *Voprosy jazykoznanija*. 2005. No. 4. Pp. 57—75.]
- Летучий 2006 — Летучий А. Б. Типология лабильных глаголов: семантические и морфосинтаксические аспекты: Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2006. [Letuchiy A. B. *Tipologiya labil'nykh glagolov: semanticheskie i morfo-sintaksicheskie aspekty. Kand. diss.* [A typology of labile verbs: Semantic and morphosyntactic aspects. Cand. diss.]. Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 2006.]
- Лютикова 2002 — Лютикова Е. А. Русские лабильные глаголы в типологической перспективе. Материалы к докладу на Ломоносовских чтениях. М., 2002. [Lyutikova E. A. *Russkie labil'nye glagoly v tipologicheskoi perspektive. Materialy k dokladu na Lomonosovskikh chteniyakh* [Russian labile verbs in typological perspective. Materials for the report at the Lomonosov readings. Moscow, 2002.]
- Недялков 1969 — Недялков В. П. Некоторые вероятностные универсалии в глагольном словообразовании // Вардуль И. Ф. (ред.). Языковые универсалии и лингвистическая типология. М.: Наука, 1969. С. 106—114. [Nedyalkov V. P. Some statistic universals in verbal word formation. *Yazykovye universalii i lingvisticheskaya tipologiya*. Vardul' I. F. (ed.). Moscow: Nauka, 1969. Pp 106—114.]

² Вероятно, имеется в виду работа [Creissels 2014].

- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku* [Introduction to grammatical semantics]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Полинская 1986 — Полинская М. С. Диффузные глаголы в синтаксисе эргативных языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1986. [Polinskaya M. S. *Diffuznye glagoly v sintaksise ergativnykh yazykov: Avto-ref. kand. diss.* [Diffuse verbs in the syntax of ergative languages. Author's abstract of the cand. diss.]. Moscow: Institute of Linguistics, Academy of Sciences of the USSR, 1986.]
- Creissels 2014 — Creissels D. P-lability and radical P-alignment. *Linguistics*. 2014. Vol. 52. No. 4. Pp. 911—944.
- Grimshaw 1990 — Grimshaw J. *Argument structure*. Cambridge (MA): MIT Press, 1990.
- Haspelmath 1991 — Haspelmath M. On the question of deep ergativity: The evidence from Lezgian. *Papire zur Linguistik*. 1991. Vol. 44/45. Pp. 5—26.
- Haspelmath 1993 — Haspelmath M. More on the typology of inchoative / causative verb alternations. *Causatives and transitivity*. Comrie B., Polinsky M. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1993. Pp. 87—120.
- Shibatani 2002 — Shibatani M. Introduction: Some basic issues on the grammar of causation. *The grammar of causation and interpersonal manipulation*. Shibatani M. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2002. Pp. 1—22.
- Vendler 1957 — Vendler Z. Verbs and times. *The philosophical review*. 1957. Vol. 66. Pp. 43—160.

I. Bornkessel-Schlesewsky, A. L. Malchukov, M. Richards (eds.). Scales and hierarchies: A cross-disciplinary perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015. 356 p. (Trends in Linguistics 277). ISBN 978-3-11-0344000-4*.

Антон Владимирович Циммерлинг

Anton Zimmerling

Московский педагогический государственный университет, Москва, 119991, Российская Федерация; Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Российская Федерация; fagraey64@hotmail.com

Moscow State Pedagogical University, Moscow, 119991, Russian Federation; Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russian Federation; fagraey64@hotmail.com

Рецензируемое издание посвящено статусу грамматически релевантных шкал и иерархий, таких как иерархия одушевленности Силверстайна [Silverstein 1976], иерархия доступности Кинена — Комри [Keenan, Comrie 1977], гармонизированные падежные фильтры Дж. Айсена [Aissen 2003] и т. п. в современных концепциях лингвистической типологии и общей грамматики. Под релевантностью в данном случае понимается ситуация, когда от выбора некоторого значения, например, значения «3 л.», или значения «одушевленность», или значения «прошедшее время» и т. п., предположительно являющегося элементом некоторой шкалы референциально-дейктических значений, зависит выбор формы или категориального значения иного типа (например, именным вершинам или местоимениям приписывается винительный или эргативный падеж) или разных комбинаций морфосинтаксических признаков (например, выбор между падежно оформленным и падежно неоформленными именем, между структурой с эксплицитно выраженным согласованием и структурой без него и т. п.). В общей форме можно согласиться с автором гл. 4, М. Сисоу (M. Sysouw), который утверждает, что шкалы признаков эксплицируют соотношение между формой и функцией в языке; правда, модель шкалы, которую предлагает этот автор, вызывает вопросы, о чем см. ниже. В равной мере можно согласиться и с авторами гл. 5 С. Кайне (S. Keine) и Г. Мюллером (G. Müller) и автором гл. 6 Й. Троммером (J. Trommer), которые полагают, что описание в терминах шкал эксплицирует взаимодействие между разными механизмами грамматики

* Рецензия написана при поддержке проекта Министерства образования и науки Российской Федерации № 2685 «Параметрическое описание грамматических систем».